

ОТЗЫВ
на диссертацию Болашенковой Екатерины Александровны
«Образ эмира Исмаила Самани и представления
об эпохе Саманидов (IX–X вв.) в постсоветском Таджикистане»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности «5.6.4 – этнология, антропология и этнография»

Конструирование местными элитами представлений об историческом прошлом в постсоветских странах происходит в основном по схожим сценариям. Драматические трансформации, а порой и глобальные человеческие трагедии, сопровождавшие распад Советского Союза, в рамках политики исторической памяти в этих странах компенсируются иллюзорными представлениями о светлых временах мира и стабильности, разумного государственного устройства и управления, расцвета национально-ориентированных религий, культуры, искусства. В рамках этих же представлений куется образ мудрого правителя, свершения которого должны служить ориентиром для современных политических лидеров.

Предлагаемая к защите диссертация Е.А. Болашенковой посвящена изучению представлений об исторической памяти в идеологии и практике постсоветского Таджикистана. Как известно, после распада СССР положение в этой стране сложилось воистину удручающее: междоусобная кровопролитная гражданская война, низкий уровень жизни, массовый отток населения, религиозный радикализм, политическая нестабильность. В таком контексте проект создания образа счастливого прошлого, психологически компенсирующего нынешние трудности и проблемы, приобрел особую актуальность.

Проблематика работы определяется тем обстоятельством, что в официальной идеологии и политической практике республики особое место стала занимать эпоха Саманидов (IX–X вв.). Это государство со столицей в Бухаре, просуществовавшее на территории Мавераннахра и Хорасана более столетия, позиционируется как эталонное, а сама эпоха объявляется золотым веком в истории таджикского народа. Особое место уделяется личности основателя династии эмира Исмаила (892–907 гг.), чья политическая деятельность провозглашается в качестве идеала и недвусмысленно сравнивается с карьерой нынешнего лидера Таджикистана.

Рассмотренные в работе материалы фактически свидетельствуют о сложении в республике подобию государственного культа эпохи Саманидов и лично ее

основателя со всеми подобающими такому культу атрибутами. Его создание сопровождалось трансформацией социокультурных идентичностей, ростом национализма (всемерно подчёркивается «таджикскость» династии Саманидов, приоритет историко-культурного наследия на таджикском и персидском языках), конструированием новых мифологий, ожесточенными идеологическими войнами с соседями за героическое прошлое. Почвой для таких сражений служит то, что основные сакральные места, связанные с династией Саманидов, прежде всего столичный город Бухара, сейчас, волею исторических обстоятельств, находятся на территории другого государства – Узбекистана. При этом по ряду аспектов это прошлое понимается весьма расширительно. Особое внимание уделяется арийской древности, а также зороастрийской эпохе, которая рассматривается в контексте религиозной альтернативы исламу. Разумеется, все эти явления представляют собой превосходное поле для антропологического исследования. Е.А. Болашенко удалось тонко уловить эти тенденции, и, в результате, появился рецензируемый труд.

Дополнительным аргументом в пользу научной актуальности исследования выступает то, что сходные явления имеют место в соседних регионах постсоветского пространства. Краткий, но информативный обзор на с. 57–60 показывает, как на роль культовых фигур современного нациестроительства государственной пропагандой могут выдвигаться образы реальных исторических деятелей прошлого (эмир Тимур в Узбекистане), археологические объекты («золотой человек» и, в целом, вся сакская эпоха в Казахстане), персонажи народного эпоса (Манас в Кыргызстане) и т.п.

Я бы посоветовал дополнить этот обзор описанием ситуации ещё в одной постсоветской стране, которая географически примыкает к Центральной Азии, и даже включает её часть в свой состав. Речь, конечно, о Российской Федерации. Здесь также происходят очень любопытные вещи. Так в Республике Хакасия музейные экспозиции, учебная, научная и популярная литература, а, самое главное, массовое сознание граждан заполнены представлениями о вымышленных древних хакасах и фантомном манихейском древнехакасском государстве, провозглашённом форпостом западной цивилизации, а время его существования – золотым веком в истории Южной Сибири и северной части Центральной Азии. А в Республике Горный Алтай уповают на помощь и защиту со стороны мумии, открытой археологами в замёрзшей могиле скифского времени и объявленной местными интеллектуалами принцессой Ак Кадым – прародительницей всех алтайцев; с её мезью связывают все беды России последних десятилетий – от природных катаклизмов и чеченских войн, до противостояния с Украиной.

В ряде регионов России, также, как и в странах Центральной Азии (Казахстане, Кыргызстане), в процессе национальной самоидентификации усиливается фактор древней домонотеистической религии, что выражается в активных попытках возрождения, а иногда и прямого конструирования так называемого тенгрианства. Последнее провозглашается общей ценностной и идейной основой тюркских народов этих регионов. Типологические параллели с

тенденциями возрождения и возвышения зороастризма, отмеченными в рецензируемой работе, в данном случае, выглядят вряд ли случайно.

Таким образом, научная актуальность темы не вызывает сомнения. В то же время мне, как жителю приграничного с Центральной Азией региона, было интересно и полезно прочесть работу и с сугубо практической, можно сказать, житейской точки зрения. Эта практическая сторона исследования – важная положительная черта рецензируемого сочинения.

Для выполнения поставленной цели – выявления характерных для постсоветского Таджикистана представлений об эпохе Саманидов, их происхождения и роли в таджикском обществе – автор привлекает значительный по объему разнообразный материал. Объектом анализа выступают: речи, статьи и книга президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона; сборники современных таджикских поэтов; научные публикации местных историков; школьные и вузовские учебники истории; памятники монументального искусства; музейные экспозиции и даже изображения на банкнотах. Последнее, впрочем, легко объяснимо. Как известно, с 2000 г. национальная валюта Таджикистана носит характерное название *сомони*.

Заметное место в работе занимают материалы интервью с местными жителями, а также анализ интернет ресурсов. Достоинством исследования является языковая подготовка автора, свободное владение таджикским языком, что позволяет, во-первых, глубоко и всесторонне анализировать таджикоязычные тексты – начиная с уличных плакатов, и заканчивая академическими сочинениями – а во-вторых, непосредственно общаться с местными жителями в формате высоко доверительного диалога. Беседы с информантами в основном опубликованы в форме прямой речи, что безусловно весьма повышает их источниковедческую ценность.

Анализ разнообразных материалов позволил прийти к заключению, что память об эпохе Саманидов занимает важное место в идеологии и политической практике современного Таджикистана, играет существенную роль в процессах нациестроительства и формирования национальной идентичности. Время государства Саманидов, наряду с образами зороастрийской культуры и арийской древности, является важным элементом идеологической конструкции («триады»), на основе которой в Таджикистане выстраивается политика исторической памяти. Проект создания культа Самани инициирован властными элитами республики и персонально связан с президентом Рахмоном, недвусмысленно сопоставляемым с основателем династии эмиром Исмаилом.

Работа четко структурирована, каждый раздел завершается ясно сформулированными выводами, что очень удобно при чтении. Заключение и выводы, полученные в ходе исследования, положения, выносимые на защиту обоснованы и подтверждены источниками и строгой процедурой доказательств. Особо следует отметить ясный и четкий стиль изложения.

В то же время содержание работы обнажает ряд проблемных моментов, обусловленных, впрочем, общим состоянием научной дисциплины. Как уже было

отмечено, исследование выполнено на материалах, относящихся к разным областям культуры. В ходе их анализа, автор закономерно обращается к инструментарию многих общественных и социальных наук: политологии, социологии, искусствоведения, культурологии, музееведения, востоковедения, даже литературоведения. Например, базовая для исследования методология этносимволизма заимствована из социологии, ее автором является британский социолог Энтони Д. Смит. Обсуждаются также такие пограничные дисциплины как *memory studies* (с. 27 – 36; 103–104) или политическая антропология (с. 106). А в разделе, посвященном музейным экспозициям (с. 246–248), упоминается целая россыпь социологических и культурологических теорий: и «воображаемые сообщества» Б. Андерсона, и гетеротопии М. Фуко, и «места памяти» П. Нора. Очевидно, что при таком обилии заимствованных из сопредельных наук теоретических концепций, необходимо более четко определить сферу применения методологии именно титульной для диссертации специальности – антропологии и этнографии, а также области ее схождения и разграничения и механизмы взаимодействия со смежными отраслями знания.

Другой аспект той же проблемы состоит в следующем. При всем разнообразии привлекаемых источников нельзя не заметить, что подавляющее их большинство относится к официальной сфере: речи и статьи руководителей, соответствующая госстандартам учебная литература, регламентированные музейные экспозиции, произведения придворных поэтов (хотя здесь невольно возникает вопрос: можно ли вообще считать поэтами авторов таких, например, строк, обращенных к действующему руководителю государства: «После ночи длиною в века, / Свет пришёл на Родину. / Наш Эмомали Рахмон, / Ты свет наших очей!» и т.д. (с. 155)).

На с. 71–73 в таблице 1 сведены основные коммеморативные практики, связанные с государством Саманидов, осуществлявшиеся в постсоветском Таджикистане. Весь перечень мероприятий – сплошной официоз. Между тем, официальная идеология становится по-настоящему действенной только тогда, когда она находит поддержку в низовой народной среде. Именно здесь стихийно рождается новая мифология, порой очень причудливо интерпретирующая исторические события, и создаются новые формы культа и обрядности. Проявлениями такой спонтанной общественной активности могут стать новые святилища и места силы, современные народные культы исторических героев, неформальные коммеморативные практики, исторический косплей, разнообразные по форме движения реконструкторов, ролевиков и т.п. Причём эти формы деятельности обычно носят глубоко локальный характер и связаны с местными, значимыми в конкретной общине или поселении историческими событиями и личностями. Насколько развита в современном Таджикистане подобная активность в отношении эпохи Саманидов и лично Исмаила Самани? Включала ли исследовательская программа автора задачу изучения данной области современный народной культуры?

Введение, визитная карточка любого академического сочинения, содержит все необходимые разделы и в целом выполнено корректно. Однако раздел «Степень изученности темы» написан несколько формально. Фактически здесь просто перечислены авторы и названия статей с более или менее подробной их аннотацией. Положительным моментом является то, что учтены статьи, изданные в разных странах и на разных языках. В то же время представляется, что информационная ценность раздела значительно повысилась бы, если бы материал был систематизирован по проблемному принципу, например, по критерию теоретико-методологических подходов, положенных в основу анализируемых исследований. Кроме того, в конце этого раздела приведены сведения о работах, посвященных теоретическим проблемам исторической памяти, этничности, нации и национализма, антропологии власти, методологии этносимволизма. Все эти работы не имеют привязки к Таджикистану и, разумеется, не должны быть включены в раздел «степень изученности темы». Их место – в разделе, посвящённом методологической основе исследования.

В разделе введения «Источниковая база исследования» важнейший пункт посвящен описанию полевых материалов. Судя по этому описанию, сбор полевых материалов происходил в 2014 и 2024–2025 гг. Причем на втором этапе имело место возвращение к методам анкетирования и сбору определённого объёма свежих данных путем предложения изначальной анкеты с некоторыми дополнительными вопросами новому поколению информантов. На этот раз анкетирование проводилось онлайн с помощью Google-формы.

Откровенно сказать, многое в этой истории остаётся неясным. Данные о процедуре опросов, численности и составе участников (выборке), распределении вариантов ответов, другие необходимые параметры либо отсутствуют, либо чрезмерно расплывчаты. Безусловно, необходимо прямо, эксплицитно, в бумажной форме привести текст анкеты (анкет?) с подробным мотивационным объяснением сути каждого вопроса (частично, но не в полном объеме, эти данные представлены на с. 20). Желательно пояснить специфику подходов киберэтнографии и принципиальные их отличия от других методов сбора материалов. Наконец, остается загадкой о какой смене поколения говорит автор, учитывая, что между первым и вторым опросом прошло немногим более десяти лет. Вся эта неразбериха с процедурными моментами тем более досадна, что, как указывалось выше, материалы опросов играют в работе важную роль и имеют высокую информационную ценность.

В процессе анализа содержания поэтических произведений, в частности, мотива божественной избранности власти, автор подмечает весьма любопытную лексическую особенность: понятие Бог в текстах обозначается не только арабским словом Аллах, но и иранским термином *худо* (с. 153, 156, 262). Этот факт объясняется идеологической переориентацией политики памяти от ислама в сторону древней зороастрийской традиции. Признавая правомерность интерпретации с позиции текущей политической конъюнктуры, следует, вероятно, учитывать и сугубо языковые факторы широкого распространения

рассматриваемого термина, причем не только в иранских, но и в тюркских языках. Так, по данным фундаментального издания *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков* (2006: 567–568), термин *qudaj/құдай/kudaj/xudaj* в значении Бог, будучи новоиранским заимствованием, зафиксирован в языках Центральной Азии и части Сибири, подвергшихся персидскому влиянию: узбекском, туркменском, киргизском, каракалпакском, кумыкском, казахском, татарских языках и диалектах Сибири, алтайском, хакасском и др. В хакасском языке *хазах худайы* – христианство, *тадар худайы* – белая вера (бурханизм). Таким образом иранский по происхождению термин *худо* получил распространение не только в исламской среде, но и в христианстве и местных национальных религиях, что, очевидно, является отражением естественных процессов языкового развития.

Эти замечания, отражающие сложность и многогранность поднятых проблем, и имеющие, по большей части, характер «рассуждений по поводу», никак не могут изменить благоприятного впечатления от исследования Е.А. Болашенко-вой. В результате проделанной ею работы специалисты как в области истории Центральной Азии, так и в сфере современных общественных процессов на постсоветском пространстве в целом получили в своё распоряжение новые интересные и, зачастую, крайне актуальные материалы. Не вызывает сомнений как новизна избранной темы, степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации Е.А. Болашенко-вой, так и их достоверность.

Работа прошла апробацию в серии докладов на всероссийских и международных научных конференциях. Среди них – конференции в МАЭ РАН, на Восточном факультете СПбГУ, в Институте истории СПбГУ и на факультете Международных отношений СПбГУ. Материалы диссертации опубликованы в сборниках и журналах, в том числе, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации («Кунсткамера», «Исторический бюллетень»), а также в “Manuscripta Orientalia” (SCOPUS). Публикационная активность автора по теме диссертации охватывает период в десять лет: с 2015 по 2025 г.

Важным результатом исследовательской работы Е.А. Болашенко-вой представляется разработка ею специального учебного курса «Центральная Азия в эпоху Саманидов (IX–X вв.)» для студентов 4-го курса образовательной программы «История Центральной Азии» Восточного факультета СПбГУ. Предмет читался автором в 2020 г. и 2022 г. Кроме того, Е.А. Болашенко-ва имеет десятилетний стаж преподавания персидского языка в СПбГУ, что, как уже отмечалось, даёт автору возможность глубокого погружения в большие объёмы таджикских источников, их адекватный перевод и анализ.

На основании вышеизложенного полагаю, что диссертация Е.А. Болашенко-вой «Образ эмира Исмаила Самани и представления об эпохе Саманидов (IX–X вв.) в постсоветском Таджикистане» отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (с изменениями и дополнениями),

предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а его автор заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности «5.6.4 – этнология, антропология и этнография».

Александр Геннадьевич Селезнев

Кандидат исторических наук, доцент,
Старший научный сотрудник
ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
644010, Омск, пр. Маркса, д. 15
+79139693000
seleznev@myttk.ru

ПОДПИСЬ *А.Т. Селезнева*

22.05

2026

ЗАВЕРЯЮ ЗАВ.КАНЦ. НАЗТ СО РАН
И.А. КРИВКОВА

